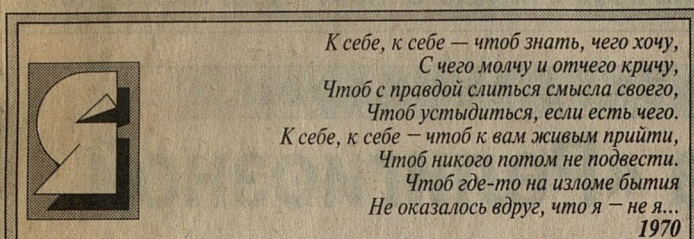

Ребята, это хорошая страна, зачем ее разрушать?

К себе, к себе — чтоб знать, чего хочу,
С чего молчу и отчего кричу,
Чтоб с правдой слиться смысла своего,
Чтоб устыдиться, если есть чего.
К себе, к себе — чтоб к вам живым прийти,
Чтоб никого потом не подвести,
Чтоб где-то на изломе бытия
Не оказалось вдруг, что я — не я...
1970

- Что вы считаете определяющими вехами вашей жизни?
- Вы были не согласны с системой, система таких не терпела, она как-то на вас давила, воспитывала, перевоспитывала?
- Вы сказали, что вы человек с репутацией терпимого, тем не менее вы о себе говорите, что вы Собакевич. Что это такое Коржавин-Собакевич?

Я один ничего не понимал

— Главная веха — она не веха, а вся жизнь. Это столкновение идеологии с эпохой.

Я с 25-го года и, как все мои сверстники, читал газету «Пионерская правда» и журнал «Мурзилка», во время коллективизации — про кулака с обрезом и про мировую революцию и т.д. Выглядело романтично и идейно, но потом быстро стало сменяться сталинской бессмыслицей, которую я ощутил, и ощутил чисто по-человечески. Дело не в терроре и не в гуманности. В этих понятиях мое поколение вообще не воспитывалось. Столкновение было прежде всего с неправдой. И как ни странно, с неправдой о коммунизме. Вроде была идея, и вдруг пошла полная бессмыслица, которую люди принимали как нормальную жизнь. Ощущение было, что любая глупость в порядке вещей. Я был неправ, сколько я себя помню. Все все понимали, я один ничего не понимал.

Перед войной меня исключили из школы. Тогда была борьба за авторитет учителя. А я в это время поругался с директором школы.

Я, между прочим, о нем мемуары пишу, об этом директоре. Он сам по себе был человек довольно интересный. Большевик, какой-то важный начальник был, откуда-то его выгнали. Он хоть и был железобетонным, а ко мне относился хорошо, потому что я про то же, что и он, думал. Однажды он мне, папану, сказал, что еще насчет Сталина ничего не известно, какие будут плоды его деятельности.

Мое поколение — война. Война была страшной, но мне нужна была война за мировую революцию. Если ты коммунист, то ты за мировую революцию.

Если говорить о главной вехе моей жизни, то это — освобождение от коммунизма. Но произошло это примерно в 1957 году. Конечно, многое уже меня подталкивало, многое уже в жизни видел. Но однажды открываю газету «Правда», а там три статьи венгерских товарищей о контрреволюционном мятеже в Будапеште. Причем это была не наша казенная речь, а скорее «эссеистическая», стилистика интеллектуальных западных коммунистов. Когда я это прочел, я понял, что коммунизм что дышло. Вдруг стало понятно, что все это мышление бесцентровое, допускает все что угодно. И сказал себе — нет, хватит! И все во мне сразу покатилося очень быстро: сначала от коммунизма к социал-демократизму, а потом — дальше. И вообще я понял, что попытка сочетать коммунизм со здравым смыслом, неудавшаяся у Бухарина, не получится ни у кого. В принципе невозможно.

Вся суть в том, что я не всегда был не согласен с системой. Допустим, время после победы. Особое время. Возвращаются с фронта хорошие ребята, честные, интеллигентные люди. Я их любил, а они любили Сталина. Я думал, что я не прав. К этому времени я уже приехал в Москву, читал всем стихи... И меня сложными путями вывели в МГБ. То ли у них был какой-то отдел профилактики, то ли еще какой-то интерес, но они ко мне хорошо тогда отнеслись. Меня даже вырвали — я все документы потерял, а они как-то сделали, что мне документы восстановили. Через два года меня все-таки посадили. Среди моих друзей не было ни одного стукача. Ни одного! Но никто и не нуждался в реальных подтверждениях моей вины. Незабвенный Коля Глазков, очень умный человек, весь архив хранил дома, и свои стихи, и мои, потому что знал: если за тобой придут, что-то да найдут. Действительные улики ничего не значили по сравнению с высочайшими из пальца. Я учился в Литинституте и был тогда сталинистом. Но все беда в том, что сталинистов не требовалось. Я пытался доказать, что Сталин прав. И себе, и другим доказывал, все хотело в это поверить. Тут-то меня взяли и посадили. Сидел я буквально по Салтыкову-Щедрину, у которого есть такой пассаж: «Что значит восхищение начальством? Это значит такое оным восхищение, которое в то же время допускает и возможность оным не восхищения! А отсюда до революции — один шаг!»

То есть обязательно положено трепетать, а не восхищаться. Именно по такой статье я и сидел. То, что я сидел, как-то меня от Сталина отравило, но тоже не сразу, а когда началась борьба с космополитизмом, и вовсе не потому, что были заветы мои еврейские чувства. Диалектика моя зашла так далеко, что я на все был согласен. Но тут наверх (я читал статьи) стали выдвигаться такие люди, как Софронюк, Грибачев, а я им цену уже стал. И вдруг в один прекрасный день я получаю: диалектика диалектикой, но что же остается для жизни? Ничего не остается! Что дал диалектический материализм гражданину СССР? А стал думать дальше и пришел к выводу, что народу — «материализм», а интеллигенции — диалектику для нравственного употребления. Додумывал уже позже.

Словом, я благодарен нашим славным органам за то, что они меня вовремя послали. Так и Солженицын написал — «благодарю тебя, тюрьма», дальше — это маленькие две строчки: «А синиз, из-под земли, я слышу голос — тебе-то хорошо говорить, ты выжил». Так что благодарю только от собственного имени.

В ссылке я, как водится, был в Сибири. Жил не в лагере, в деревне, видел, как деревня жила. Самое страшное, к чему приводит большевистская романтика, — к презрению к простым людям. Мои приятельница жила у одной женщины, которая работала телятницей и зарабатывала 400 трудодней в год. У нее не было ни одной целой одежды, дыры в одной одежде накрывались другой одеждой. Так жила советская Россия.

Дед, у которого мы квартировали, как-то сказал: «Я бы тоже плохо жил, но у меня, спасибо, сына убили». Он пенсильон получал за сына-офицера. Дед с горечью говорил и вообще был не прост. В царской армии служил вместе с «лелькой» — двоюродным братом то есть. Лельке за что-то фальсифицировал в зубы. Всю ночь они вдвоем просидели на чердаке сарая, размышляя, кончат с собой или стерпеть.

Был у меня еще там знакомый Алексей Юковичев Иванон, очень человек интересный. Жил хорошо, потому что был мастер на все руки. Советскую власть ненавидел, Сталина ненавидел. А тогда как раз праздновали 70-летие со дня рождения вождя. У Алексея Юковичева был обычный: он в воскресенье выхаживал четвертинку. А в этот раз отложил на понедельник. «Чтоб этот з... не! не думал, что я за его именины пью».

Деревенские люди плохо понимали, за что сажают, за что не сажают. За то, что и как они меня собой говорили, можно было обнести всю деревню проволок и нигда даже вывозить не надо. Впрочем, если бы вывезли, то, может быть, положение многих улучшилось.

Как у сельского, но положение было лучше, чем положение рядового колхозника. Интеллигенцию притесняли, убивали, но все-таки относились, как к людям. А к простым людям относились, как к замамке.

Сталин привил свое сумасшествие всему аппарату. Создал этот строй не он, и завоевал власть над народом не он. Он выиграл в карты эту власть и, следовательно, весь народ. Повторю, я отношусь к коммунизму отрицательно, и давно. И тем больше ярости к подлинному, потому что я ему отдал дань. Но сталинщина это другое. Это не коммунизм. У Ленина цель оправдывала средства, сталинский подход — средства оправдываются любые, а цели вообще нет.

А вообще-то я, и правда, терпимый человек, только смотря к чему.

В первые годы перестройки, в 89-м, я полагал, что все мы на отколовшейся лынье улетим, если не будем толкаться. Мне приписали роль миротворца. А я — со стражу за Россию! Одна критическая написала, что я в эстетической области миротворец. Это уже была чистая неправда, потому что в интеллектуальной и эстетической области у меня была в программе нет такого пункта, как терпимость. В эстетической области то, что я защищаю, могу защищать против всех. Здесь у меня самоназначение большее, потому что я много раз оказывался прав. Здесь я — Собакевич! Мне лягушку хоть сахаром обсыпай, я ее есть не стану. А средний московский интеллигент станет, если лягушку любить все цивилизованное человечество. Он скажет, как же так: уже за границей давно сифилис, а у нас триппер — мы отстали! На собственную глупость теперь еще надевают и западную — интерференция происходит.

Жизнь у меня только здесь, в России. Есть и всегда была, даже когда не было связи. Это результат моей профессии, интересос. Жизнь в Америке меня достала довольно сильно, там остаться самим собой мне лично было не легче, чем здесь, хотя и менее опасно физически (меня там никто не мог посадить). В принципе американское государство очень свободное и хорошее. Общество же отнюдь не свободно. И управляют им отнюдь не банкиры. Оно находится в руках средней немыслившей интеллигенции. С ними мне было трудно. За 23 года жизни на Западе я видел очень много терпимых людей... к тому, что они сами думают. Русские гораздо терпимее, потому что русские кричат, спорят, а те просто тебя зачеркивают — и все!

В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ

В эпиграфы традиционных для этой страницы разделов «Я», «Мы», «Они» вынесены по одной-две строфы из стихов Наума Коржавина, остро выявляющих современный (и неизменный) смысл каждой из обозначенных рубрик-местоимений. Обращают на себя внимание даты под стихами: 1970, 1972, 1964. Так дано почувствовать и предчувствовать живую историю страны не политику, но поэту. Гость нашего четверга Наум Коржавин родился в Киеве, жил, писал, сидел, отбывал ссылку в России. С 1974 года проживает в Бостоне (США) и по-прежнему живет Россией. Прежде чем перейти к актуальной прозе нашей общей беседы в редакции, вспомним еще раз, что полнее всего представляют поэта его стихи. Пусть даже одно стихотворение, даже такое короткое:

Ах ты, жизнь моя, морок и месиво,
След кровавый — круги на воде.
Как мы жили! Как прыскали весело —
Карасями на скворороде.

Из озера — в небеса ледовитые...
Нас прожгло. А иных — сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.

Когда мне говорят, что судьба Смякова, которому посвящена моя статья, напомнила судьбу американского писателя, я могу и нагубить. То есть Смякова, который при любимой им власти сидел три раза, напоминает ему американского писателя, у которого вообще любимой власти нет и не положено и который нигде не сидел!

В Америке есть и очень высокая интеллектуальная элита, очень высокой культуры люди, но я с ними мало связан, я все-таки живу в русском языке, они — в английском.

А так — тяжело, живу за счет пособия для немущих. Жена работала одно время в Гарварде, а теперь у нее внештатная работа в университете. Дочь, зять и двое внуков живут в Южной Каролине. Зять крупный физик, дочь — мелестра, внуки, которых я очень люблю. Они, конечно, американцы, но дома говорят по-русски. Меня же критикуют за плохой английский. Нет, жизнь там у меня не бравурная, хотя очень нужды нет, и я не жалуюсь.

Раньше у меня было много выступлений в американских университетах. На русских факультетах студенты испытывают главное удовольствие от узнавания выученных слов. А когда выступают через переводчика перед американцами, то приходят публика, интересующаяся поэзией, и поэтому происходит свободный разговор. Везде есть люди мыслящие. Но власть в университетах принадлежит, к сожалению, немыслившей интеллигенции.

Была у них советология, считавшаяся наукой. Более того, у них была кримнология — попытка по советским газетам понять, что происходит в Кремле. Сам Кремль не знал, что в нем происходит. А советологи установили, что все у нас процветает. Потом вдруг выяснилось, что Горбачев говорит с трибуны то же самое, что эмигранты говорили в сам- и тамиздате, и что сами советологи объявляли параноией.

И все же — «Мы»!

Все! Кто сложней, кто прощел.
Был общим страх у нас и грех был общим.

«Мы» — это мы... Пустая злая сила,
В которую судьба нас всех сплотила...
Мы. Наша боль. Все взрывы нашей воли,
Проклятые века — разобщенность боли.

1972

— Не могли бы вы хотя бы конспективно сказать о движении мысли новой эмиграции на фоне реформизма в России?

— По-вашему, в наших бедах виновата интеллигенция?

— Ваши стихи на родине помнят, иногда как безымянные. Ваша строчка «Какая сука разбудила Ленина?» из «жестоккого романа» об историческом недосыпе стала крылатой. Актуален ли ваш «романс» сегодня?

— Что вы скажете о современной русской поэзии?

«Советский власть — очень хороший власть, но больно долгий»

— Во-первых, я бы не употреблял такого слова — эмигрант. Имеется в виду, очевидно, разница: либо нахождение в культурном целом, либо культурное отщепенство от чего-то. Но я никогда не отделил себя ни от какого целого. То есть я не считал, что вот я такой умный, а все, что осталось, не понимают ничего.

За границей я был в довольно близких отношениях с Максимовым, со многими — вообще не в каких. Солженицына я и здесь, и там почитал за большого писателя и очень большого человека.

Бродского, как поэта, может, и не сразу, но принял. У него есть несколько очень талантливых стихотворений, одно я знаю наизусть. Но Бродского как явление культурной жизни, как поэта, которого все поголовно любят, я не принимаю и называю такую литературу — «стиль опережающей гениальности», как есть «опережающая грамматика». Согласен быть в чьих-то глазах завистником, но я не согласен подпевать ужомочарению. Его культ для меня это выражение провинциальности нашей эпохи, имитация поэзии, самого представления о поэзии. Но если есть люди, которые на самом деле любят всего Бродского, — пусть любят.

Мне здесь напоминают, что Анатолий Лукьянов — тоже пишет стихи. Вы думаете, если мне не нравится Бродский, то мне нравится Лукьянов? Лукьянова в контексте поэзии можно не рассматривать. Потому что его стихи, извините, наивны, в отличие от его люмпен-политической деятельности, которая совсем не наивна.

Поэтам сегодня трудно. Но они в России есть. Настоящие. И Еременко, и Жианов, странный для меня поэт, но подлинный. Потом, конечно, Гандлевский, Бунимович, Кибиров. Кибиров ведет просто героическую борьбу за свою поэзию.

Русские люди, живущие на Западе, не могут не думать о России, но разочарования никого не минуют, ни здесь, ни там.

Максимов, например, как-то позвонил и говорит: неужели ты веришь, что из этой их перестройки что-нибудь выйдет? Я отвечаю: знаешь, Володя, я отношусь к событиям с определенной долей пессимизма, но если мои товарищи хотят выполнить из болота, а же не могу сидеть на берегу и кричать — все вы утопнете! Мне это совсем не безразлично. Это уже не уместная задача для меня, а жизненная.

Когда у меня спрашивали в Москве — веришь ли ты в нашу перестройку, я отвечал, что это предмет не веры, а воли, воли к выживанию. У нас мало шансов выжить, но выжить надо.

Когда-то на московской трибуне выступал хороший человек Селюнин, уже покойный, царство ему небесное, и говорил, что власть надо сменить, имелся в виду Горбачев. Все забывают: мы уже меняли власть, и чем это кончилось? Ходил русский интеллигент по улицам Москвы, Питера, Киева, — полицейский стоял на углу, бученные торговали булками, колбасные — колбасами, но он считал, что это — явление природы. И от государства, он полагал, идет все только плохое. Со времен декабристов интеллигенция говорила о свободе, а хотела власти. Власть дали, она за пять минут довела страну чертой до нуля. Должно быть, и правда, «нельзя в России ничего build».

Я сам несколько огорчен популярностью своего «романа» о хроническом недосыпе. Ну, написались «охмы» в 1970 году... Огорчен, потому что, уж извините за нескромность, а большего стою. Сегодня актуальности в этой штуке не вижу, потому что на всю историю революции всем начхать.

Вам кажется, что все эти десять лет российской интеллектуальная элита занималась созданием новой романтики? Нет, интеллектуальная элита занималась самоутверждением. Не отставать от Европы, — это была ее главная задача. Вот фашисты, то есть коммунисты, они все время работали. А элита начала ездить по заграницам, хотя надо было — в Омск, Калугу, Красноярск, там тоже люди живут. Но это считалось второстепенным делом. Народ почитался у нас лежащим в кармане. Или так: поскольку мы демократы, то нас все любят. А значит, и заботиться об этом не надо. К демократии оказались готовыми только Зюганов с Жириновским, они и используют ее вовсю. А демократы неподвижны, как камень, под который ничего не течет.

Интеллигенция в начале перестройки еще пользовалась некоторой симпатией народа. Потом началась ее любовь к Гайдару, который говорит по-английски. Люблю я против него ничего не имею, но, как я писал в одной поэме, «масштабы личности и роли неизмеримы не всегда». Роль, которую сыграл Гайдар, — колоссальна. Верно, это было единственное правительство, которое работало. Но оно давило всех авторитетом науки, а действовало примитивными большевистскими методами. Он увидел, что Россия нерентабельна, и решил ее уловить. Одно из страшных последствий — он вывел коммунистов из-под удара. Их вина была забыта.

Когда-то моему приятелю — писателю Геннадию Снегиреву, — один старый киргиз в горах Алатау сказал замечательные слова: «Советский власть — очень хороший власть, но больно долгий». Вот эта же долгость и определяла невозможность возврата. В 21-м году Ленин имел нормальную Россию, только разрушенную физически. И когда разрешили иметь частную собственность, разрешили торговать, люди стали работать. А у нас мы имеем дело не с переконченной промышленностью, погубленной деревней, но с перевернутыми производственными отношениями, разрушенным сознанием.

Вернуться в нормальный мир уже не просто. Нужно из советского трудащего воссоздать обычного человека. Вернуть его в нормальный, не соревнующийся по шутерским правилам мир, не догоняющий и перегоняющий его, но не преодолевающий вечно временные трудности, не жертвующий, а живущий. Нормальный мир — это не рай. И нормальное государство — это не царство Божие на земле. Но после того как восстановится «нормально плохое» государство, восстановится обычная человеческая жизнь и вернется все трагедия бытия, свойственные обычному, а не замороченному наживству. Всегда были трагедии, но не было искусственной жизни, навязанной идеологии, ее языка, на котором все разговаривали. Дьявольщины.

Они бездарны, как беда,
Зато уверены всегда,
Несут бездарность, словно знамя,
У нас в идеях разнороб,
Они же всегда верны одной,
Простой и ясной — править нами.
1964

- Что вы думаете о сегодняшней власти в России?
- Вы слывете сторонником генеральской диктатуры. Не боитесь, что вас спросят когда-нибудь: «Какая сука разбудила Лебеда?»
- Что еще можно сохранить в России, что восстанавить и какими средствами?

Русское решение — палкой по голове

— Вы меня делаете генсеком. Роль, на которую я не претендовал никогда. В тот момент, когда русский человек поверит, что делом своих рук он может улучшить свою жизнь, вот тогда все и будет.

В Италии двести лет существует мафия, но ни один мафиози так и не стал нормальным бизнесменом. А у нас в России по-большевистски стали учреждать средний и высший класс. Кто-то даже употребил выражение — назначить миллионером. Кто-то уверял — среди них есть честные люди. Вон товарищ Березовский даже наукой занимался.

Правильно, когда у нас не было частной собственности, ничего не было, люди, которые в других условиях открывали бы банки или публичные дома, занимались наукой. Больше давать себя было некуда. Тот самый Милтон Фридман, учитель Гайдара, говорил о побочном влиянии вьетнамской войны на Америку: многие люди, чтобы не пойти в армию, шли в науку. А поскольку они активные люди, они заняли в ней ключевые посты. Как он очень точно выразился, они — не интеллектуалы, они — активисты.

А с активистами трудно справиться, это чума XX века. И сегодняшние политические активисты, и все национальные активисты, и наш совковый национализм, и наши новоявленные миллионеры, эта наша люмпен-буржуазия, — это все не интеллектуалы, это все активисты.

Говорят — это их право. Но кроме прав бывают последствия. Они ведь тоже имеют значение, иногда куда большие, чем права. Поскольку все мы на что-то имеем право, давайте отбросим правосластный идеализм, то есть распространение идеи права на все стороны жизни, и будем говорить о проблеме.

То, что не удержится демократия, для меня — азбучно. Весь вопрос: какая будет автократия? Какой авторитарный режим? Мы думаем, что у нас уже был авторитарный режим или диктатура. А у нас был бандализм. Диктатором был Франко, а не Сталин. Отличие тоталитарного режима от авторитарного вовсе не всегда в жестокости. Тоталитаризм узурпирует все стороны жизни, а авторитарный режим только одну — политическую. Университеты остаются, остаются профсоюзы, частная собственность. Во все это режим не вмешивается. Жизнь идет, просто контролируется ее политическая составляющая. И даже свобода слова контролируется, а не отменяется и не подменяется, как было у нас. Если режим будет зюгановски-илохинский, вернется сталинщина.

Товарищ Илюхин разоблачил в абсолютно сталинском духе заговор против товарища Лукашенко. Силы, которые стоят за Илюхиным, я их не называю ни коммунистами, ни черносотенцами, ни фашистами, это силы небытия. Они бытием не интересуются. В обстановке небытия товарищ Илюхин — прокурор. В обстановке бытия он никем быть не может. Он говорит правду для того, чтоб солгать. Вот, например, он написал целую статью, почему не будет голосовать за Ельцина. Все правда про Ельцина. Но про себя все брехня, потому что он не голосовал бы за Ельцина, если даже Ельцин был очень хороший. Я не понимаю, как пресса, как интеллигенция допустила простую вещь, чтоб Зюганов называл себя коммунистом, на том основании, что мы плохо относимся к коммунизму.

Мне внушает какую-то надежду Лебедь. Многие мои друзья приходят в ужас, когда я это говорю, будто не знаю, что он такое. Но я знаю и то, что у них уже давно нет ни одного козыря. Они ведут себя, как капризная, переборчивая невеста, у которой нет ни одного жениха. Это люди, проигравшие даже Жириновскому...

Демократия не удержится. Сегодня уже не удержалась. Ельцин — это дизастр! По-русски сказать — несчастье, по-английски — это тоже катастрофа. Но вот звучание слова «дизастр» по-русски — это как раз и есть Ельцин.

Я — старый реакционер. Когда-то я был за то, чтобы военную диктатуру установил маршал Жуков. Точно знал, что будет несладко. Но все-таки так наступил бы конец псевдонимной власти. Приходит человек: «Я — маршал Жуков, давайте Россию возродить, будем жить!» И началась бы реальность. Но Жуков к этому не стремился и, как говорится, был со мной не согласен.

От Лебеда я жду просвещенной диктатуры. Сохранением свободы печатной, с режисми мерами против преступности. На основании чего просвещения? Если нет основания, то нам — капут!

Один очень не глупый знакомый сказал: Лебедь — самое большое несчастье, которое только может быть. А когда его спросили: а какое наименьшее? Оказалось, что об этом как-то не думал.

Я читал книгу Лебеда, и там он выглядит живым человеком. Это очень хорошая книга, очень хорошо написанная. Я не верю, что кто-то мог ее за него написать. Лебедь, конечно, может оказаться не на высоте, но других вариантов перехода к демократии я не вижу.

Банкиры, старавшиеся привести к власти недееспособного президента с помощью Лебеда, полагают, что они обвели его вокруг пальца. Они когда-то читали краткий курс истории ВКП(б) и там вычитали, что банкиры в капиталистическом мире управляют обществом. Вот они и стали действовать согласно этому марксизму. Они не понимают, что на каждого банкира достаточно одной палки по голове. А русское решение — палкой по голове.

Тут есть одна страшная ловушка, в которую мы можем попасть. У Лебеда нет армии, ее вообще не у кого нет. Нынешняя армия если придет к власти, то первым делом она увеличит себе зарплату, а больше никаких идей у нее нет. Даже идеология державности, вполне доступная военным, нынешним многим генералам-активистам недоступна.

Прошу не забывать меня камнями, но я империалист. Я как был им, так и остался. Я не насыщенный империалист, я никого не хочу захватывать, не хочу отвоевывать Севастополь силой. Но кто завоевал Крым? Империя! Вы же против империи. Когда прибалты отделились от нас, они отделились не от рабства, а от свободы. Когда было рабство, они сидели смиренно. Когда власть надо было выходить к свободе, занялись более интересными вещами. Армянам я уж точно всегда сочувствовал, но в тот момент, когда надо было вместе спасаться, они оказались такими же русскими интеллигентами, как мы с вами. Во всяком случае, по уровню безответственности.

Когда-то давно мне принесли подписать один антисоветский документ. Там был пункт о праве на национальное самоопределение. Я антисоветские документы подписывать с большой легкостью, но тут сказал — нет. Я признаю это право, но агитировать за него не буду. Потому что ничего, кроме несчастья, из этого не выйдет. «Ну как же, это дело принципа!» Я, говорю, в гробу видал принципы, когда принципы живут, а люди подыхают.

Только не надо меня ловить на слове, будто в стихах я пишу одно, а в жизни призываю к другому. Нет тут несоответствия. Поэзия стремится к абсолюту, а политика к компромиссу.

...Ребята, это же хорошая страна, зачем ее разрушать? Ущелест Россия — ущелест все!

Желаю «Общей газете» и дальше быть флагом свободной и строгой мысли.
Другое не спасет.

Полосу подготовила Ирина ДЕМЕНТЬЕВА
Фото Михаила КЛИМЕНТЬЕВА